

В глубине погреба, в самом углу, сидел хрупкий, тонкий в кости юноша. Обхватив колени руками, он прижался спиной к ледяной стене и вздрогнул от холода.

Ся Чжинянь поплотнее запахнул школьную форму, стараясь не шевелиться. Он бросил быстрый взгляд на человека, сидевшего у противоположной стены, и тут же отвел глаза, невольно поджав губы.

В этой дыре они были вдвоем: он и главный герой-омега. Оригинал постоянно доставал парня, так не воспользуется ли тот случаем, чтобы свести с ним счеты?

Он снова покосился на него.

Погреб был глубоким, лишь высоко наверху пробивалась узкая полоска дневного света, и как раз под ней расположился второй узник. Лицо парня было бледным, он расслабленно прислонился к стене, а его тонкие, изящные черты лица казались мягкими, как весенний ветерок.

— Ся, ты как? — мягко спросил он. — Этот погреб давно заброшен. Мы здесь уже два часа, и неизвестно, когда нас найдут.

Тон главного героя был нежным, в глазах светилась искренняя забота, но Ся Чжинянь лишь сильнее вжался в стену, настороженно глядя на него круглыми оленьими глазами.

— Со мной всё в порядке.

Янь Цы улыбнулся ему, слегка прищурив свои узкие глаза:

— Прости, пожалуйста, что из-за меня ты тоже здесь оказался. Ты не устал? Может, поспишь немного? Если кто-то придет, я тебя разбужу.

— ... — висок Ся Чжиняня дернулся. Он плотнее закутался в куртку и отрезал: — Нет, я не устал.

Ну и мастер притворяться. Разбудит он его, как же! Если кто-то и придет, этот чертов «черный кунжутный шарик» скорее вырубит его и бросит здесь, чем позовет на помощь. В конце концов, он ведь тот самый злодей, который всем докучал и вызывал лишь раздражение.

Ся Чжинянь жалко съежился в углу, сохраняя безопасную дистанцию и пытаясь хоть как-то согреться.

Два дня назад оригинал погиб, и он, человек с тем же именем, фамилией и внешностью, попал в этот роман под названием «Любовь бамбуковых коней» — школьную романтическую

историю, где ему досталась роль всеми ненавидимого злодея-статиста.

Оригинал был странным типом: он вечно таскался хвостом за главным героем-альфой, вел себя как одержимый и постоянно искал повод задеть Янь Цы. Он был настолько ослеплен чувствами к альфе, что считал Янь Цы просто «добрым отличником», не подозревая, что тот — ядовитая начинка в красивой обертке.

Настолько черная внутри, что хоть выжимай.

В этот раз, во время экскурсии в заповедник Сишань, «Ся Чжинянь», недовольный тем, что Янь Цы слишком сблизился с главным героем, решил его запугать. На горной тропе он исподтишка схватил его за одежду. Но не успел даже толком коснуться, как Янь Цы внезапно пошатнулся и едва не полетел вниз по лестнице.

Главный герой-альфа среагировал молниеносно и спас его. Янь Цы не пострадал, а вот оригиналу досталось от альфы по первое число. Янь Цы тогда стоял рядом и с ангельской кротостью объяснял, что это он сам не удержал равновесие, чем вызвал у альфы еще больше жалости к себе и ярости к обидчику.

...Пусть оригинал и заслужил, но это не отменяло того факта, что Янь Цы — коварный злодей.

Ся Чжинянь кутался в форму, чувствуя, как волосы на голове шевелятся от ужаса. Он только что сдал экзамены, и при чтении книги это казалось захватывающим, но оказаться в шкуре злодея, идущего против черного властелина — это уже перебор.

Ему нужно было лишь отыграть сюжет оригинала, чтобы вернуться в свой мир. Он набрался храбрости, но не успел даже толком напакоиться, как Янь Цы вдруг на что-то наступил и с криком полетел вниз. Ся Чжинянь инстинктивно попытался его удержать — и вот они оба здесь, в этом проклятом погребе, «наслаждаются» обществом друг друга.

Ся Чжинянь горестно вздохнул. Ладно, ради возвращения домой, он, молодой господин Ся, умеет терпеть. Потерпим!

Начало мая — не самое теплое время, а в погребе было еще холоднее. Близилась сумерки, температура падала. Ся Чжинянь был в одной кофте и школьной куртке, и как бы он ни кутался, тепло уходило. Он свернулся калачиком, уткнувшись лицом в колени, и прикрыл глаза, чтобы сберечь силы.

В погребу долго стояла тишина, когда вдруг раздался голос:

— Ся? Ты спишь?

Ся Чжинянь напрягся, но не ответил. Янь Цы подождал немного и позвал снова, словно

проверяя, крепко ли тот уснул. Он продолжал изображать спящего, и лишь спустя долгое время услышал шорох, а затем — осторожные, тихие шаги.

Цок, цок, цок...

Шаги приближались. Ся Чжинянь затаил дыхание, сердце колотилось в горле. Янь Цы остановился прямо перед ним. Он не двигался, просто молча смотрел на него. Ся Чжинянь, не зная, чего ожидать, зажмурился. Его белая, нежная шея была открыта, и от холода по коже бежали мурашки.

Наконец Янь Цы шевельнулся. Раздался шорох ткани. Секунду спустя спина Ся Чжиняня ощутила тепло — Янь Цы накрыл его своей курткой, закрыв даже открытую шею.

Ся Чжинянь выдохнул, но не успел расслабиться, как внезапно замер. На него легла густая тень, воздух рассек резкий свист, и что-то тяжелое с огромной силой обрушилось на его шею.

Ся Чжинянь в немом ужасе дернулся, пытаясь уклониться.

— Угх...

Удар пришелся в основание шеи, боль была такой, будто позвонки сейчас хрустнут. Тело обмякло, и он рухнул на пол. Куртка соскользнула, наполовину прикрыв голову.

Янь Цы, бледный, с плотно сжатыми губами, равнодушно взглянул на него, позволил одежде остаться на голове юноши и вернулся на свое место. Прислонившись к стене, он наконец выдохнул — тяжело, с хрипом, будто ему не хватало воздуха. Достав из сумки влажные салфетки, он принялся методично, палец за пальцем, протирать руки.

— ...?

Что за бред?

Ся Чжинянь, ошарашенный, с ноющей от боли шеей, приоткрыл один глаз и с изумлением наблюдал, как тот вытирает руки. Он знал, что у главного героя бзик на чистоте, но не думал, что до такой степени — сначала укрыть курткой, а потом вырубить... Спасибо, блин, большое.

Ся Чжинянь был в полном недоумении. Однако именно эта куртка помогла ему немного смягчить удар.

Его оленьи глаза забегали. Он никогда в жизни не делал ничего противозаконного, его боевые навыки равнялись нулю, поэтому оставалось только лежать и притворяться без сознания, подглядывая из-под куртки.

Янь Цы, закончив вытирать руки, снова прислонился к стене. Его тонкая фигура выглядела изящно: одна нога вытянута, другая согнута в колене. Он крепко сжимал правой рукой свое левое запястье, пальцы побелели от напряжения, дыхание становилось всё тяжелее. Похоже, у него был какой-то хронический недуг.

Снаружи стемнело, и единственный источник света — дыра наверху — перестал пропускать лучи. Погреб погрузился в абсолютный мрак.

Янь Цы внезапно издал сдавленный стон, его тело затряслось. Ся Чжинянь, напрягая зрение, смутно видел, как тот, опираясь на стену, медленно встал. Дыхание Янь Цы было прерывистым, он в панике шарил руками по стене, и вдруг —

Бам!

Глухой удар сотряс темноту. Парень со всей силы ударил кулаком по камню, и костяшки тут же покрылись кровью.

Ся Чжинянь вздрогнул: — ?!!

Что-то было не так. Сердце бешено колотилось, он хотел вскочить, но прежде чем успел пошевелиться, Янь Цы нащупал молнию на сумке и что-то достал. Раздался щелчок, и вспыхнул холодный белый свет.

Янь Цы облегченно выдохнул, его дыхание эхом разнеслось по погребу. Он снова сел, прислонившись к стене, и в его руке оказался небольшой карманный фонарик.

...Главный герой боится темноты?

Ся Чжинянь широко раскрыл глаза. В оригинале такого не было. Он не смел шелохнуться, наблюдая за ним из-под куртки. И тут, сам того не заметив, он задел молнию куртки, которая с тихим звоном упала на пол.

— Что за звук?

Янь Цы резко вскинул голову, и его острый взгляд впился в него.

— !!

Ся Чжинянь вмиг зажмурился, сердце пропустило удар. В погребе было тихо, звук эхом отражался от стен. Он отчетливо услышал, как Янь Цы поднялся и медленными, размеренными шагами подошел к нему. Остановился в шаге.

Сердце Ся Чжиняня колотилось как бешеное. Он не двигался. Вскоре он услышал тихий, странный смешок.

— Ся, — Янь Цы улыбнулся, его голос был мягким, вкрадчивым, словно шепот у самого уха. — Ты спишь или притворяешься?

Ся Чжинянь: — ...!

Звучит так, будто он выбирает, жить мне или умереть. Он изо всех сил старался лежать неподвижно, даже глазами яблоками не двигал.

Янь Цы опустил взгляд, изучая его, снова тихо усмехнулся и неторопливо поправил манжеты, обнажив бледное тонкое запястье.

— Ты вдруг стал таким тихим и спокойным, что я тебя даже не узнаю. Но ничего. Я сам со всем разберусь.

Ся Чжинянь: — !!!

Разберешься?!

Рука потянулась к его голове. Ся Чжинянь, почувствовав, как сердце замерло, хотел вскочить, но на него снова набросили куртку, полностью лишая обзора. В следующую секунду в затылок снова прилетело что-то тяжелое, и в глазах окончательно потемнело.

.

Ся Чжинянь резко сел, чувствуя головокружение и слабость. Он инстинктивно ощущал пространство: подушка, стакан, тумбочка. Это не каменная стена погребя. Он выбрался.

— Нянь-нянь? Нянь-нянь, ты очнулся? Что ты ищешь?

Не успел он прийти в себя, как услышал мягкий женский голос. Перед глазами всё еще плыло. Он сидел на кровати в больничной пижаме, а рядом с ним — утонченная женщина средних лет.

Цзян Юань с тревогой смотрела на него:

— Нянь-нянь, у тебя что-то болит? Что ты ищешь? Мама поможет.

...Мама?

Слишком чужое обращение. Ся Чжинянь замер. Это... мать оригинала.

— Спасибо, я ничего не ищу, — он не умел общаться с родственниками. Покопавшись в памяти, он понял, что оригинал не был близок с семьей, поэтому ответил холодно и вежливо: — Я в порядке, не нужно беспокоиться.

Юноша опустил длинные ресницы. Цзян Юань, глядя на бледные щеки сына, протянула руку, чтобы помочь ему устроиться удобнее. Ся Чжинянь инстинктивно отстранился, и, увидев, как она застыла, тут же замер сам.

— ...Спасибо, я, я сам справлюсь.

Он не любил, когда его касались.

— Хорошо, — Цзян Юань убрала руку, подавив тревогу на лице, и ободряюще улыбнулась. — Тот погреб такой глубокий и холодный. Когда вас с Янь Цы нашли, у тебя был такой жар, что ты потерял сознание, я чуть с ума не сошла. Хорошо, что Сяо Цы всё это время заботился о тебе.

Ся Чжинянь: — ...?

Цзян Юань еще не знала, что оригинал доставал парня в школе, поэтому мягко добавила:

— Раньше Сяо Цы спас тебя после аварии, а теперь еще и в погребке присматривал. Обязательно поблагодари его.

Ся Чжинянь: — ...?!

Янь Цы? Заботился?

Да он меня вырубил без всякой жалости!

Тук-тук.

Дверь была приоткрыта, и на пороге стоял высокий, изящный парень в больничной пижаме. Он улыбнулся и постучал в косяк:

— Тетя Цзян.